

Леже против Франции

[Léger – France] (№ 19324/02)

Постановление от 11 апреля 2006 г. [вынесено II Секцией]

Обстоятельства дела

В июле 1964 года заявитель был арестован, и в отношении него было возбуждено уголовное дело по факту похищения и убийства одиннадцатилетнего мальчика. Находясь под стражей в полиции, он признался в совершении этих преступлений, но спустя несколько месяцев отказался от своих показаний. С тех пор он всегда заявлял о своей невиновности. Приговором от 7 мая 1966 года суд присяжных признал его виновным в тех преступлениях, в совершении которых он обвинялся, и назначил ему наказание в виде лишения свободы пожизненно. В 1971 году и в 1974 году заявитель ходатайствовал о повторном рассмотрении своего дела в суде, но в этой просьбе ему было отказано. 5 июля 1979 г., отбыв 15-летний «испытательный срок», он получил право на условное освобождение. С 1985 года по 2000 год он много раз ходатайствовал об освобождении под расписку, но ни одно из этих ходатайств не было удовлетворено, в некоторых случаях – по соображениям его собственной безопасности, несмотря на доказательства, говорящие в пользу его освобождения. Кроме того, он несколько раз обращался с прошением о помиловании к Президенту Франции, но его прошения отклонялись. В январе 2001 года заявитель еще раз подал ходатайство о своем освобождении, утверждая, что друзья предложили принять его и дать ему работу после того, как он освободится. Служба исполнения наказаний единогласно пришла к мнению, что заявитель заслуживает освобождения под расписку. Сотрудник, ответственный за его условное освобождение и реабилитацию, также полностью разделял это мнение.

Однако 6 июля 2001 г. региональный суд по делам об условно досрочном освобождении отклонил ходатайство заявителя. Суд заметил, что заявитель все еще отрицает свою причастность к совершению преступления и что эксперты не смогли прийти к выводу о том, что он более не представляет потенциальной опасности, а вероятность того, что он совершит новые преступления, отсутствует. Поскольку полностью исключить эту возможность можно только путем консультаций и наблюдения у психотерапевта – что заявитель допускал с большой неохотой – было неясно, предпринимал ли он «серьезные усилия для обеспечения своей социальной реабилитации», даже учитывая наличие логически последовательной схемы его трудоустройства.

23 ноября 2001 г. национальный суд по делам об условно досрочном освобождении, рассматривая дело по второй инстанции, оставил это решение без изменения на основании того, что планируемая реабилитация заявителя стала сомнительной ввиду банкротства лица, предложившего принять его и обеспечить работой, а также того, что он не собирался обращаться за советом к психологу, несмотря на свои параноидальные наклонности. В январе 2005 года заявитель вновь ходатайствовал об условном освобождении. Тюремная администрация отнеслась к ходатайству положительно, но прокурор выступил против освобождения заявителя, мотивируя свою позицию, в частности, опасностью того, что он совершит новые

преступления. Решив, что поведение заявителя более не препятствует его освобождению, и что опасность совершения им новых преступлений практически перестала существовать, суд, отвечающий за исполнение наказаний, удовлетворил его ходатайство об условном освобождении. Заявитель досрочно вышел из тюрьмы 3 октября 2005 г., проведя там 41 год.

Вопросы права

По поводу соблюдения требований подпункта «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Не подлежит сомнению, что заявитель был осужден компетентным судом в установленном законом порядке по обвинению в совершении преступления, и что его содержание под стражей соответствовало нормам французского законодательства. Его жалоба фактически касалась неуместности оснований, оправдывавших его содержание в тюрьме, в частности, по отношению к отказу судов, специализирующихся на исполнении наказаний, удовлетворить его ходатайство об условном освобождении в 2001 году, а также ввиду отсутствия какой-либо связи между этими основаниями и карательной целью его первоначального осуждения.

Что касается довода о том, что власти Франции применяли дополнительный критерий, не предусмотренный французским законодательством, а именно недостаточность изменений к лучшему с его стороны, этот вопрос относится к толкованию французскими властями положения национального законодательства, подлежащего применению по делу, и сам по себе не может нарушать французские законы. Что же касается вопроса о том, было ли содержание заявителя под стражей совместимо с целью ограничений, предусмотренных статьей 5 Конвенции, то важно отметить, что сначала в Европе не было единообразной системы условного освобождения заключенных и что французская модель, несмотря на то, что она предусматривает значительное усмотрение властей при решении вопроса об условно досрочном освобождении осужденных к лишению свободы, не заслуживает какого-то особого порицания по сравнению с другими моделями.

Однако для того, чтобы оценить, являлось ли содержание лица под стражей произволом, следует установить существование достаточной причинно-следственной связи между ограничением свободы лица и осуждением его по обвинению в совершении преступления. В настоящем деле пожизненное заключение, к которому был приговорен заявитель, не помешало ему вновь обрести свободу, так как он был условно освобожден с тем, чтобы избежать его постоянной изоляции от общества. До этого, учитывая особую тяжесть совершенного им преступления, пожизненное заключение не являлось произвольной мерой наказания для целей применения статьи 5 Конвенции, ввиду того, что продолжительное лишение свободы никогда не утрачивало связи со своим первоначальным карательным предназначением, а также того, что другие факторы, относящиеся к опасности совершения новых преступлений, оправдывали отказ в удовлетворении ходатайств заявителя об освобождении из-под стражи.

Кроме того, заявитель был освобожден под расписку в 2005 году, поскольку суды пришли к выводу, что его поведение более не препятствует его освобождению из-под стражи и что опасность совершения им новых преступлений фактически перестала существовать. Следовательно, приведенные французскими судами основания, оправдывающие содержание заявителя в тюрьме, не были необоснованными и с точки зрения первоначальной карательной цели назначенного ему наказания, и с точки зрения того, что соображения, препятствующие его освобождению из-под стражи, продолжали существовать.

Несмотря на то, что суды решили освободить заявителя лишь в 2005 году, после того, как он провел в тюрьме 41 год – исключительно длительный промежуток времени, ставящий серьезные вопросы относительно руководства поведением лиц, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы, – представляется, что причины, на которые они ранее ссылались, имели под собой разумное основание, включая тот случай, когда они в 2001 году отказались принять благоприятное для заявителя мнение тюремной администрации как руководство к действию. В самом деле, в 2004 году эксперты все еще не могли прийти к окончательному выводу, что заявитель не представлял опасности, учитывая его характер и личностные особенности. Соответственно, содержание заявителя под стражей после 2001 года не нарушало требований подпункта «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу не было допущено нарушения требований подпункта «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции (вынесено пятью голосами «за» и двумя голосами «против»).

По поводу соблюдения требований статьи 3 Конвенции. Заявитель был условно освобожден от отбывания наказания после отбывания чрезвычайно длительного срока лишения свободы по приговору суда, вынесенному в то время, когда система сроков безусловного лишения свободы еще не существовала. Однако с 1979 года, проведя к тому моменту пятнадцать лет в тюрьме, заявитель мог регулярно ходатайствовать об условном освобождении, и на него распространялись соответствующие процессуальные гарантии. Следовательно, он не мог утверждать, что был лишен всякой надежды на частичное снижение срока лишения свободы, который мог бы быть сокращен. Соответственно, продлевавшееся содержание заявителя под стражей, независимо от того, насколько оно было длительным, не являлось бесчеловечным или унижающим достоинство обращением как таковым.

Учитывая, что пожизненное лишение свободы, подобное тому, о котором идет речь в настоящем деле, неизбежно влечет за собой тревогу и неизвестность, связанную с пребыванием в тюрьме и, после освобождения – с мерами помощи и наблюдения, а также с возможностью вновь попасть в тюрьму, нельзя сказать, что вынесенный заявителю приговор достигал того уровня суровости, который требуется для того, чтобы можно было констатировать факт нарушения требований статьи 3 Конвенции. Никакие другие обстоятельства, говоря об усугублении присущим заключенным страданий, не могут служить основанием для вывода о том, что заявитель в тюрьме подвергся чрезвычайно тяжелому испытанию, которое может быть приравнено к обращению, противоречащему данному положению Конвенции.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу не было допущено нарушения требований статьи 3 Конвенции (вынесено пятью голосами «за» и двумя голосами «против»).